

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.44>

Левина Олеся Михайловна

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ

В статье раскрывается содержание понятия "речевая манипуляция" в призме межкультурного иноязычного образования. Представлен анализ существующих интерпретаций "речевой манипуляции" в контексте философского, психологического, политологического, лингвистического научного знания. Вводится собственное определение исследуемого термина с позиции лингводидактики. Основное внимание автор акцентирует на том, что в условиях межкультурного иноязычного образования требуется разработка практических решений по преодолению манипулятивного воздействия со стороны медийно-коммуникативного пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 429-429. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Kosmin O. G., Sulemowa G. A. *Praktische Phonetik der deutschen Sprache*. М.: Просвещение, 1990. 224 с.
 13. *Metzler-Lexikon Sprache* / hrsg. von H. Glück. 2. überarbeitete und erweiterte Auflage. Stuttgart – Weimar: Metzler, 2000. 711 S.
 14. Schendels E. *Deutsche Grammatik*. М.: Высшая школа. 1979. 395 с.

**PROPER NOUNS IN THE GERMAN LANGUAGE:
LEARNING DIFFICULTIES OF NON-LINGUISTIC SPECIALTY STUDENTS**

Kartashova Valentina Nikolaevna, Doctor in Pedagogy, Professor
Bunin Yelets State University
cartashova.vale@yandex.ru

The article presents an analysis of the grammatical theme “A Proper Name in the German Language” in the methodological perspective, which allows identifying certain aspects that cause difficulties in studying them by non-linguistic specialty university students. The author considers the features of proper names functioning, gives examples of their use, and presents a scientific and methodological commentary on the system of the step-by-step work on preventing errors in the use of the article before the proper name. The paper argues the necessity of its implementation in the practice of teaching the German language at a non-linguistic university.

Key words and phrases: German language; proper name; peculiarities of functioning; non-linguistic specialty of undergraduate studies; difficulties of studying; step-by-step system of training (presentation – conceptualization – interiorization – independent use).

УДК 378:81:159.9; 81'33

Дата поступления рукописи: 17.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.44>

В статье раскрывается содержание понятия «речевая манипуляция» в призме межкультурного иноязычного образования. Представлен анализ существующих интерпретаций «речевой манипуляции» в контексте философского, психологического, политологического, лингвистического научного знания. Вводится собственное определение исследуемого термина с позиции лингводидактики. Основное внимание автор акцентирует на том, что в условиях межкультурного иноязычного образования требуется разработка практических решений по преодолению манипулятивного воздействия со стороны медиально-коммуникативного пространства.

Ключевые слова и фразы: адресант; адресат; культура; межкультурный подход; межкультурное иноязычное образование; межкультурная коммуникативная компетенция; речевая манипуляция.

Левина Олеся Михайловна

Московский городской педагогический университет
Olesya.levina@gmail.com

**РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ**

Иноязычное образование на современном этапе своего генезиса осмысливается с позиций межкультурного подхода как доминанты культуросообразной парадигмы. Отражая и парируя вызовы социоглобальной реальности, межкультурное иноязычное образование естественным образом включает в свое целесодержательное пространство основные качества и характеристики человека «межкультурной формации», преобразуя их в интегративную компетентностную основу – межкультурную коммуникативную компетенцию. При этом логика формирования этой компетенции предполагает следующую последовательность развития мировоззренческих позиций коммуниканта.

По утверждению Е. Г. Таревой, в результате прохождения обучающихся по нижепредставленной «расширяющейся спирали» происходят понимание и переосмысление чужой культуры через призму осознания ценностей, традиций родной культуры: (1) знакомство с фактом иной культуры → (2) перенос его в родную культуру и осознание особенностей последней → (3) переоценка (постижение, осознание) факта родной культуры → (4) возврат с позиций (3) к факту иной культуры и его переосмысление на основе сопоставления с новым знанием о родной культуре → (5) переосмысление на базе (4) факта родной культуры, но уже с позиций не своего Я, а представителя иного лингвосоциума → (6) признание фактов двух культур как полноценных, равноправных, несовпадающих и отражающих различные картины мира представителей различных лингвосоциумов [12, с. 17]. Можно с полной уверенностью говорить, что картина мира обучающегося трансформируется согласно требованиям многополярного поликультурного пространства. Иначе говоря, в контексте межкультурного иноязычного образования формируется личность, способная вести межкультурную коммуникацию, не отождествляющая себя с чужой культурой, но сохраняющая «собственную национальную идентичность» [Там же, с. 19].

Очевидным является тот факт, что происходит смена угла зрения на процесс подготовки обучающихся к ведению диалога с представителями других лингвосоциумов. Подобный ракурс представляет нашему

взгляду смещение вектора интенций ученых с простого признания, что необходимо в равных условиях вовлекать обе культуры (родную и чужую) в образовательный процесс, на убежденность в том, что именно отсутствие минимально достаточных знаний о родной культуре неизбежно ведет к разрушению коммуникативного процесса между культурами (концепция В. А. Гончаровой). Избежать фиксации обучающих усилий только на культурных ценностях страны изучаемого языка, на принятии идей уникальности, особой привлекательности, зачастую даже превосходства чужой культуры над родной позволяет потенциал, заложенный в родной культуре. Мы находим предпосылки смены научных воззрений на предмет нашего изучения в статье В. А. Гончаровой и В. В. Алпатова. Авторы приходят к заключению, что осуществлению успешного диалога представителей разных культур способствует «вовлечение родной культуры в плоскость иноязычного образования». «Формирование опыта личностного и сознательного “чувствования” родной культуры» в дальнейшем приводит к развитию «межкультурной рефлексии как особой способности участника подлинного межкультурного диалога» [7, с. 113].

Таким образом, смысловым вектором направленности развития межкультурной лингводидактики представляется формирование мировоззренческой позиции паритета культур коммуникантов, со-существующих и со-знающих друг друга в общем медийно-коммуникативном пространстве.

Однако в свете современного представления о мире в целом, который отличается многомерным характером («мягкая сила» стран первого круга, «лингвистический империализм» («лингвицизм»), идея постимперского мессианства англоговорящих стран), не представляется уместным говорить о возможности достижения полного паритета культур. Труднодостижимость ключевого принципа диалога культур объясняется тем, что транслируемая адресантом сообщения информация зачастую отличается манипулятивностью содержания. Будущий «межкультурный коммуникант» (термин Г. В. Елизаровой), вторичная языковая личность (термин И. И. Халеевой) оказываются неспособными эффективно взаимодействовать в контексте манипулятивного воздействия со стороны носителя другой культуры.

Представляется возможным указать на гетерогенность, фрагментарность и мозаичность исследования природы «манипуляции» (манипуляция и манипулирование рассматриваются как синонимы согласно научным трудам Л. Л. Герашенко, Т. М. Голубевой, Е. В. Денисюк и т.д.) и «речевой манипуляции», в частности. Вариативность в понимании содержания «манипуляции» и укоренение различных подходов к номинации термина отчетливо прослеживаются в контексте теории манипулятивного воздействия.

В подавляющем большинстве ученые отдают предпочтение трем основным подходам к манипулированию: философско-политический (гегемония Антонио Грамши), психологический (психоанализ и бихевиоризм), а также социокультурный. В контексте указанных подходов понятие «манипуляции» рассматривается в горизонте динамичного развития индивида от безличного инструмента (толпы как субъекта) в руках власти до личности, на которую целенаправленно воздействует окружающий ее мир. Относительно детальное рассмотрение базиса каждого из подходов позволило нам уточнить трактовку понятия «манипуляция» с позиции философии, политологии, социологии, психологии, культурологии и лингвистики. Изложим основные смыслы каждой научной позиции.

В горизонте философского воззрения на термин, «манипуляция» представляется определенной целью в построении общения и управления, которая базируется на добродетельной лжи (Платон); стремлением создать иллюзию для окружающих с помощью гибких и долговременных методик и сохранить внешнюю сторону поведения манипулятора (Николо Макиавелли). Ю. В. Пую экстраполирует выводы в результате проведенного исследования социально-философских оснований антропологии манипулирования на стремление манипулятора побудить другого человека к совершению определенных действий, изменению ценностных установок, представлений и мнений и т.п. Манипулятор стремится воздействовать на манипулируемого с целью побудить его к тому, чего он делать не хочет, но при этом создать у него уверенность, что он действует по собственной воле [11].

В призма психологического знания манипуляция трактуется как внушение, информационно-психологическое воздействие, что напрямую указывает на приемы по управлению психикой индивида. Манипуляция (внушение – термины отождествляются в научной литературе) реализуется не посредством логического убеждения, а путем непосредственного воздействия на психику без вызывания из подсознания соответствующей переработки [3, с. 21]. В связи с этим происходит прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния [Там же, с. 20]. Иными словами, манипуляция характеризуется стремлением манипулятора воздействовать на некие подсознательные установки, базовые инстинкты индивида. Использование различных психологических и психолингвистических механизмов способствует возникновению в сознании адресата сообщения с манипулятивным содержанием заблуждений, которые побуждают его совершить выгодные для манипулятора действия.

В культурологическом плане прослеживается неоднозначность трактовки исследуемого понятия. Различные культуры (азиатская, европейская и т.д.) подходят к анализу манипуляции с позиции своих традиций, ценностей, норм поведения. Культурная реальность азиатской цивилизации предстает как «манипулятивная культура» с целым рядом простых проявлений воздействующей направленности: одаривание манипулируемого как акт дружелюбия, прием радушного хозяина. Указанные коммуникативные приемы (тактики) способствуют появлению ответного чувства обязанности со стороны адресата сообщения. Для европейской культуры характерны интеллектуальные приемы воздействия с помощью слова (коммуникативных стратегий и тактик), визуальных образов.

Политологическое научное сообщество акцентирует свое внимание на рассмотрении манипуляции как махинации или системы психологического воздействия, которые способствуют прививанию иллюзий и заблуждений в сознании адресата [9].

В большинстве определений социологической направленности авторы выделяют следующие признаки манипуляции:

- воздействие, оказываемое манипулятором на манипулируемого;
- отношение манипулятора к другому как средству достижения определенной цели;
- стремление получить односторонний выигрыш;
- скрытый характер воздействия;
- игра на слабостях объекта;
- мотивационное привнесение;
- особое мастерство в осуществлении манипуляции [5, с. 298].

Интерпретации понятия «манипуляции» в трудах лингвистов уделено довольно мало внимания, а имеющиеся сведения достаточно разрознены и не приведены к единому терминологическому аппарату. Затрагивая лингвистическую природу исследуемого понятия, лингвисты обращают внимание на сложную организацию явления манипулирования, интегрирующего в себе социальную составляющую, когнитивную основу, а также инструментальность манипуляции (печатные, аудио-визуальные средства воздействия). Неоднозначность трактовки понятия в горизонте лингвистического понимания манипуляции служит причиной возникновения ряда интерпретаций, дополняющих друг друга. По утверждению голландского лингвиста Т. Ван Дейка, манипуляция представляет собой конгломерат социального явления, в контексте которого осуществляется злоупотребление властью между различными социальными субъектами (коллективными или индивидуальными), когнитивного феномена, в рамках которого подвергаются изменению (искажению) ментальные представления реципиентов, а также дискурсивно-семиотического феномена, манипулятивное содержание которого передается посредством текста и аудио-визуальных образов [13]. Представление же об инструментальности термина исходит из того, что манипулирование представляет собой своеобразный способ социальной регуляции, управления, контроля и детерминации жизни личности при помощи различных средств [8, с. 137].

Очевидная взаимосвязь второй сигнальной системы человека с наиболее эффективным инструментом скрытого воздействия – манипуляцией – эксплицируется в воздействующей функции речи. Идею об указанной функции блестяще развил русский ученый Б. Ф. Поршнев, вычленив в речевой функции человека самую глубокую и по отношению к другим сторонам элементарную основу прямого влияния на действия адресата сообщения в форме внушения (суггестии) [10].

Обобщая вышесказанное, нам представляется справедливым говорить, что манипуляция предоставляет широкое поле для исследования научным сообществом на междисциплинарном уровне, поскольку, согласимся с И. В. Беляевой, феномен манипуляции отличается высоким креативным потенциалом [2, с. 12].

Анализ научных статей, монографий и диссертаций показал, что ученые, исследующие феномен манипулятивного воздействия, оценивают понятия «речевое манипулирование / манипуляция» и «языковое манипулирование / манипуляция» как полные синонимы [1]. На уникальность природы понятия «речевая манипуляция» указывает О. Н. Быкова. Исследователь выделяет ключевые черты речевой манипуляции, которая характеризуется:

- заменой убеждения внушением благодаря созданию эмоционального подтекста высказывания;
- иллюзией самостоятельности сделанных реципиентом выводов;
- тем, что наиболее важная информация в тексте имплицитруется, аргументы преподносятся в завуалированном виде, а оценки и суждения не аргументированы;
- односторонней и тенденциозной интерпретацией фактов;
- низкой степенью информативности текста;
- доминированием оценочных и императивных реплик [4].

Вышеозначенные положения подтверждают наше убеждение, что термин «речевая манипуляция» является многомерным, сложным явлением, с уникальным набором возможностей и средств реализации этих возможностей не только на уровне лингвистического знания.

Отчетливо предстает взгляду исследователя тот факт, что и лингводидактика (термин введен в научный обиход академиком Н. М. Шанским) в настоящее время также задается целью детерминировать возможности феномена «речевая манипуляция». Как нам удалось выяснить, в диапазоне лингводидактического преломления исследование речевой манипуляции происходит в горизонте совокупности различных дисциплин. Безусловно, одно из ключевых мест отводится лингвистическому и психологическому знанию. Весь манипулятивный потенциал речи распознается на уровне лингвистической интерпретации приемов манипулирования и психологических технологий воздействия на сознание. С точки зрения социокультурного воззрения проясняется место индивида, участвующего в коммуникации с манипулятивным воздействием на межкультурном уровне (адресант – манипулятор, адресат – манипулируемый, взаимодействие в контексте межкультурной коммуникации). Философия и психология как единое целое возводят речевую манипуляцию в ранг феномена, который задействует когнитивные способности индивида.

В горизонте вышеозначенного считаем, что речевая манипуляция с позиции межкультурной лингводидактики может трактоваться как некий вид скрытого воздействия на сознание адресата в интересах говорящего – представителя другой культуры, направленного на изменение культурных ценностных ориентаций

адресата сообщения посредством языковых (речевых) приемов манипулятивного воздействия (коммуникативных стратегий, тактик и ходов).

Учитывая тот факт, что речевая манипуляция пронизывает все сферы общественной жизни человека в целом (бытовое общение, средства массовой информации, телевидение, радио и т.д.), а также затрагивает часть жизни в плане взаимодействия с другими культурами, полагаем уместным говорить о том, что межкультурная коммуникация не может считаться эффективной без учета речевоздействующего потенциала речи (речевой манипуляции). Как можно увидеть, воздействие на индивида в рамках межкультурной коммуникации представляет собой своего рода изменение контекста стремлений, мыслей адресата, зачастую навязывание новой стратегии поведения и ведения коммуникации, отягощённой определенной мотивационной «нагрузкой». В конце концов это может привести к изменению не только первоначального намерения и личной культуры, но и картины мира манипулируемого в контексте национального самосознания, то есть в рамках «актуализированного выражения национальной культуры, содержащихся в последней ценностей и норм» [6, с. 13].

Умение понимать другую культуру и вести диалог с представителями другой культуры в ситуациях манипулятивного воздействия становится насущной потребностью индивида в условиях межкультурного взаимодействия. Эта потребность объясняется необходимостью распознавать манипулятивное содержание сообщения в контексте межличностных отношений, когда адресант сообщения применяет заранее продуманные действия с целью получения определенной выгоды, изменения культурных ценностей, поведения адресата сообщения.

Как следствие, исследование речевой манипуляции и, в частности, разработка практических решений проблемы манипулятивного воздействия в условиях межкультурной коммуникации представляется стратегически важным для развития современного межкультурного иноязычного образования.

Список источников

1. **Аввакумова И. В., Агибалова Е. Л.** Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: монография. Саранск, 2017. 128 с.
2. **Беляева И. В.** Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2009. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004308969.pdf (дата обращения: 05.03.2018).
3. **Бехтерев В. М.** Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Питер, 2001. 256 с.
4. **Быкова О. Н.** Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: вестник Российской риторической ассоциации / Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 1999. Вып. 1 (8). С. 99-103.
5. **Ворошилова А. А.** Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования [Электронный ресурс] // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 6 (13). С. 296-300. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-kak-obekt-sotsialno-politicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 05.03.2018).
6. **Гончарова В. А.** Национальные социокультурные стереотипы в обучении иностранным языкам (языковой вуз, английский язык): опыт преодоления. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. 164 с.
7. **Гончарова В. А., Алпатов В. В.** Межкультурное зазеркалье: опыт интеграции родной культуры в российское иноязычное образование в высшей школе // Вестник высшей школы. Alma mater. 2017. № 9. С. 110-115.
8. **Гурочкина А. Г.** Манипулирование в лингвистике // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2003. Т. 3. Вып. 5. С. 136-141.
9. **Политология: энциклопедический словарь.** М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
10. **Поршнев Б. Ф.** О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/PORSHNEW/paleopsy.txt> (дата обращения: 05.03.2018).
11. **Пую Ю. В.** Социально-философские основания антропологии манипулирования [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филос. н. СПб., 2010. URL: <http://avtoreferat.seluk.ru/at-filosofiya/54360-1-socialno-filosofskie-osnovaniya-antropologii-manipulirovaniya.php> (дата обращения: 05.03.2018).
12. **Тарева Е. Г.** Обучение межкультурному диалогу как инструмент «мягкой силы» // Вопросы методики преподавания в вузе. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. № 5 (19-2). С. 13-19.
13. **Van Dijk T. A.** Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2016. Vol. 17 (2). P. 359-383.

VERBAL MANIPULATION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL FOREIGN-LANGUAGE EDUCATION: THE NOTION INTERPRETATION

Levina Olesya Mikhailovna
Moscow City University
Olesya.levina@gmail.com

The article reveals the meaning of the notion “verbal manipulation” in the context of intercultural foreign-language education. The author analyzes the existing interpretations of “verbal manipulation” in the context of philosophical, psychological, political, linguistic knowledge and introduces her own definition of the analyzed term from the viewpoint of linguo-didactics. Special attention is paid to the fact that intercultural foreign-language education requires the development of practical solutions to overcome manipulative influence of the media communicative space.

Key words and phrases: addresser; addressee; culture; intercultural approach; intercultural foreign-language education; intercultural communicative competence; verbal manipulation.